

УТВЕРЖДАЮ
Директор Российского этнографического музея,
доктор педагогических наук,
заслуженный работник культуры РФ

В.М. Грусман

« 9 » сентября 2016 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации

на диссертационную работу Хализова Шахбана Магомедовича «Поселенческая культура дагестанцев Цора в контексте этнокультурной истории (XVIII-XXI вв.)», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности «07.00.07 - этнография, этнология и антропология»

Представленное на обсуждение сочинение представляется актуальным и важным для этнографической науки. Диссертантом выбрана тема изучения поселенческой культуры, одна из самых плодотворных тем в изучении культуры жизнеобеспечения, учитывая многообразие факторов, в сочетании которых образуется специфика поселений и жилищ, а также значение поселенческой культуры в процессах культурно-исторической адаптации. Автор признает большое значение теоретического и конкретно-исторического изучения поселенческой культуры у народов мира (авторсф. с.3.), внося свой вклад во второе направление. Принимая целесообразность такого подхода, следует подчеркнуть еще несколько аспектов актуальности рассматриваемой темы. В их ряд входит обращение к проблематике локального сообщества, реальность существования которого находила свое подтверждение на уровнях этнополитическом (Елисейский султанат и особо т.н. Джарская республика – союз вольных обществ на данной территории при апофеозе развития данной формы социальной организации горцев Северного Кавказа и Дагестана), политико-административном (выделение во время Российской империи Закатальского округа), уровне этнического сознания (маркировка

рассматриваемой территории дагестанским термином Цор¹). Также к этому ряду следует отнести важность изучения населения этнического анклава Дагестанской историко-этнографической общности, вынесенной в пространство Южного Кавказа (в авторской трактовке *этнических дагестанцев, живущих в Закавказье* – Там же). Речь также идет об описании процессов долговременно происходящих в этноконтактной зоне дагестано-грузино-азербайджанского взаимодействия, где наряду с процессами, обусловленными модернизацией (в частности, процессами биэтнического взаимодействия в разделенных между Азербайджаном и Грузией частях Цора) также присутствовали процессы сохранения традиционно-культурного локального своеобразия. Автором закономерно отмечена область сохранения культурной традиции – поселенческая культура и этническая среда, в рамках которой происходит сохранение традиции, что нашло отражение в названии диссертационного сочинения. Показывая состояние поселенческой среды в прошлом и на период современности, фиксируемой этнографическими методами, диссертант указывает именно на сохранения традиции, а не на ее консервацию, что позволяет также не только отметить конкретные формы поселенческой среды, но и указать на их устойчивость, долговременность, и, как представляется, создать предпосылки для обращения к традициям поселенческо-жилищной культуры как критериям устойчивости традиционно-локальной общности. В этом видится не только актуальность, но и методологическая ценность работы Ш.М. Хапизова.

Автор, владея знанием источников и целесообразно демонстрируя его, справедливо указывает на историко-этнографическую недостаточность исследования региона и крайнюю необходимость тщательного и серьезного изучения историко-культурного своеобразия бытования проживающих на ее территории этносов (Дисс. с. 3); обращая внимание на активную перестройку жилого фонда на данных территориях, что весьма затрудняет сбор необходимой исторической информации по изучаемой теме. Массовое строительство однообразных жилых и общественных зданий с одновременным разрушением старого жилого фонда, являясь фактом, присущим процессам современности, по ряду причин в Цоре проходит особо интенсивно, и, конечно, требует оперативного сбора полевого материала, что, собственно, и было сделано исследователем.

¹ В отзыве этнопоним Цор используется условно, как предложенное автором диссертации обозначение местности

Несомненно, следует отметить большую работу, проделанную диссертантом по формированию источниковой базы исследования в области имеющихся публикаций и представленных данных научных исследований, включая источники на грузинском и азербайджанском языках. Список использованных источников в тексте диссертации занимает 22 стр. и содержит помимо публикаций также данные из архивов Грузии и Азербайджана. В этом большом объеме публикаций естественно фактически отсутствуют работы, напрямую характеризующие предмет исследования, т.к. авторы этих работ оперировали другими пространственными категориями. Имеющиеся непосредственные описания реалий – немногочисленны и существуют в виде путевых заметок российских военнослужащих, администраторов, путешественников, по большей части дореволюционного периода.

Особое значение имеет фонд сведений, накопленных автором в ходе самостоятельных полевых работ с 2009 по 2013 годы, когда были посещены многие жилищные пункты Цора, населенные аварцами, удинами и цахурами в Кварельском, Лагодехском районах Грузии, а также Белоканском и Закатальском районах Азербайджана. Были проинтервьюированы старожилы и знатоки старины среднего поколения, а также главы администраций сельских муниципалитетов. Диссертантом приводится список из 49 местных жителей, давших информацию по запросам автора, с некоторыми из них по просьбе автора вели беседы посредники из числа жителей Дагестана, имевших родственников в Цоре.

На основании полевых данных автором составлены таблицы, дающие важную и интересную информацию и приведенные в Приложениях к диссертации (Табл. 1. Динамика численности населения в Белоканском, Закатальском и Кахском районах в 1979–2009 гг.; Табл. 2. Группировка населенных пунктов Цора по людности; Табл. 3. Национальный состав населения Белоканского района по официальным данным переписей населения; Табл. 4. Национальный состав населения Закатальского округа по официальным данным переписей населения; Табл. 5. Населенные пункты сакребуло Ахалсопели и Чикаани Кварельского района Грузии и их этнический состав по переписи 2002 г.; Табл. 6. Населенные пункты исторического региона Тушети и их этнический состав по переписи 2002 г. (для грузинских населенных пунктов) и полевым данным автора на 2008 г. (для аварских населенных пунктов); Табл. 7. Населенные пункты Цора в начале XVIII века; Табл. 8. Параметры населенных пунктов Цора (2010 г.); Табл. 9. Национальный состав населенных пунктов Цора (полевые данные 2007 г.). Все они содержат емкие сформированные по авторской методике статистические данные. Однако,

приходится выразить сожаление об отсутствии иллюстративного материала в виде схем планировки, фотографий и т.п., который признается всеми исследователями как сопутствующий полному раскрытию тем, связанных с проблематикой изучения структуры поселения и жилища.

Чтение текста дает возможность убедиться в знании диссертантом реалий быта и описываемого предмета исследования по названным селениям Цора, что свидетельствует о качестве исследования и вызывает доверие к его данным и результатам. В то же время, представляется, что методика предпринятых исследований недостаточно раскрыта на страницах диссертации: неясно, каким образом проводились опросы, как ставились задания посредникам, в чем была специфика собеседований с главами администрации и т.д., проводились ли какие-то топографические и архитектурные фиксации и т. д., что из результатов обследований заархивировано и пр. Вопросы о методике полевого исследования в данном случае возникают еще и с учетом того, что автор является одним из немногих российских исследователей, в течение продолжительного времени работавших не только на территории независимых республик Южного Кавказа, но и в одном из «проблемных» регионов Кавказа. Если не считать данного замечания, то в остальном следует признать, что исследователь сформировал прочную источниковую базу подготовки диссертации.

Введение диссертации подготовлено в соответствии с предъявляемыми к написанию этого раздела требованиями и четко представляет структуру и текст диссертационного сочинения. Введение содержит краткий, но содержательный и убедительный обзор истории изучения этнографии региона и ее историографии. Цели и задачи исследования четко сформулированы, что способствует их решению, то же можно сказать и о формулировке предмета исследования. Исключением является формулировка одной из задач: «провести сравнительный анализ элементов поселенческой культуры населения Цора, Дагестана, Азербайджана, Грузии и выявить общие закономерности, особенности развития» (автореф. с. 5), что представляется невыполнимым и невыполненным заданием. Можно также выразить сомнение в точности формулирования объекта исследования, как «территории Алазанской долины» (автореф. с. 4). Тем более, что ниже (на с. 5 автореферата) объектом исследования названы поселения этнических дагестанцев в XVIII-XX вв. на территории Алазанской долины, что точнее соответствует содержанию диссертации. Попутно нельзя не выразить сомнения в целесообразности использования такого сочетания, как «этнические дагестанцы», которое вряд ли является академизмом. Отмеченные недостатки не имеют большого веса в работе Ш.М. Хапизова,

но не отметить их нельзя, характеризуя формальную сторону подготовки научного сочинения, которая более всего исполняется во Введении.

Диссертационное сочинение Ш.М. Хапизова состоит из трех частей, в которых представляется обширная и содержательная этнографическая информация, вызывающая большой интерес. Диссертант исторически верно избирает для рассмотрения поселенческой культуры Цора период, начало которого определяется существенными изменениями в расселении дагестаноязычных народов Цора в результате неоднократных разрушительных походов Надир-шаха и его брата Ибрагим-хана (1730–1740-х гг.). Сам период т.о. предстает тем временем, когда проявили себя процессы адаптации горского населения, приведшие к формированию части народной культуры, вошедшей в предмет этнографического познания, и которая в данном случае была изучена как поселенческая культура региона, в т.ч. сохранившаяся до настоящего времени в форме исторического наследия периода 17-20 вв.

Историко-этнографическая характеристика этого периода дана в главе I диссертации «Основные этапы этнической истории Цорского региона». Анализируя содержание этой главы, следует отметить следующие аспекты.

Показано раннее освоение территории региона созданием здесь поселенческих структур, отличавшихся устойчивостью и входивших в круг феноменов куро-аракской археологической культуры, которая трактуется в науке как результат жизнедеятельности предковой формы общности дагестаноязычных народов.

Отмечены данные о населении и региона по античным источникам.

Автор указывает на постоянное участие в процессах, происходивших на территории, выходцев из Аваристана и населения Верхнего Самура, может быть несколько преувеличенно называя Цор центром притяжения для этих территорий (автореф. с 4), но при этом доказательно используя данные различных исследований с целью показать постоянное присутствие аварского населения в Цоре в различные исторические периоды, в т.ч. ранние; представляется важным, что образована такая модель исторического процесса в Цоре, которая показывает факт постоянного сочетания в регионе освоившегося дагестанского населения и вновь пребывающего; действие этой модели прерывается с военными вторжениями иноземных захватчиков, она претерпела изменения только в советское время в результате принятых административных решений, т.е. принципы взаимоотношения населения Цора с территориями дагестанской историко-этнографической общности рисуются как обеспеченные внутренней связью и ослабевающие только в результате воздействия внешних факторов; автором показано, что

исторической нормой формирования поселенческой культуры населения и самого населения Цора было то, что «спускавшиеся с вершин горцы селились по соседству со старожилами-дагестанцами на левой стороне р. Алазани» (дисс. с. 34-35).

Отмечаются нахождение местного дагестаноязычного населения – аварцев Цора до начала XVII в. в сфере сильного культурного и политического влияния Грузии и заселение Алазанской долины двумя встречными потоками, грузинским и аварским, в XVIII в., что способствовало сложению оригинальных локальных форм культуры Цора; позднее в эту структуру включается тюркоязычный компонент, что способствовало дальнейшему развитию этносимбиозных союзов.

Охарактеризован ход этнических процессов в регионе XIX – XXI вв., и показана картина этнического состава селений Цора на последние десятилетия.

Также отмечается, что после включения Цора в состав Российской империи в 1830 г. началось изменение поселенческой культуры горцев связи с их переселением из укрепленных поселений, расположенных в труднодоступных горных ущельях, на равнину путем образования новых поселений, что привело к кардинальным изменениям как сущности, так и всех компонентов традиционного жилища, этот процесс имел продолжение в советское время.

В первой главе Ш. М. Хапизов демонстрирует большой собранный и организованный материал по этнодемографической и этнотерриториальной характеристикам населения региона в XIX – XXI вв., что вызывает большой интерес к этим сведениям, но, все-таки увлекается их изложением, несколько отступая от основной темы диссертации. Отчасти этот недостаток преодолевается в той части второй главы, где содержатся сведения об истории возникновения отдельных поселений нагорной полосы Алазанской долины.

Вторая глава «Поселенческая культура дагестанцев Цора» состоит из четырех параграфов. В целом, автор следует методологически оправданному подходу, согласно которому различные элементы культуры жизнеобеспечения этносов несут на себе печать, с одной стороны, влияния природной среды их обитания, а с другой, – этнической традиции, которая не во всех случаях определяется природными условиями (авторeref. с. 28), в соответствующем разделе диссертации подключая характеристику воздействия фактора социальной организации общества, который в данном сообществе имел выражение, прежде всего, в тухумных союзах.

Поселенческая культура описывается с нужной мерой подробности, описание позволяет получить ее всестороннюю характеристику. На фоне подобного признания

целесообразно отметить некоторые достигнутые автором заключения, указывающие на ряд локальных закономерностей.

Диссертант показывает в первом параграфе второй главы, что заселенная часть Цора подразделяется на три зоны: горную, называемую местным населением часто *Гьолода* (авар. «на склоне, хребте»); предгорную – *Эхеди* (авар. «вверху») и равнинную – *БитИди* (авар.«на плоскости»). При этом горные селения Закатальского округа ничем от населенных пунктов горного Дагестана не отличались, а равнинная часть собственно представляла ландшафтно-климатическую альтернативу нагорной полосе, к тому же до 1830-х гг. не имевшую постоянной системы поселений и эксплуатировавшейся пришлым населением. При этом наиболее благоприятные условия для поселений горцев создавались там, где отроги Главного Кавказского хребта переходят в равнину, а крупные реки региона выходят из узких ущелий на простор Алазанской долины. Т.о. установлено, что населенные пункты, возникшие до начала XIX века, почти все были расположены на приречных террасах, конусах выноса и делювиальных шлейфах, и этим установлено генеральное значение роли природного фактора в формировании поселенческой агломерации Цора. Значение природного фактора еще отмечается автором в стремлении использовать солнечную сторону горных склонов и их возможности для осуществления оборонительных функций селением как целостным организмом. В условиях XVII-XVIII вв. возможность строить поселения, являвшиеся укреплениями, была фактором, при котором обеспечивалось доминирование населения нагорной полосы над населением равнин, что переводило природный фактор в этнополитический. Также подчеркнута, что большинство крупных и средних поселений Цора привязаны к транспортным коммуникациям, в особенности межрегиональным: из Закавказья в горный Дагестан и из низовий рек Алазани и Куры в их верховья.

Во втором параграфе второй главы демонстрируется типология поселений, реальность которой подтверждается наличием этнической номенклатуры названий видов селений. Выделяются таксоны селение («росу»), отселок («кули»), хутор («махьи», «кули») и устанавливается их функциональная обусловленность. Полевые наблюдения автора позволили выявить в лексиконе цорских аварцев следующие обозначения населенных пунктов в зависимости от их рельефного положения и хозяйственно-экономической специализации: *росу* (стационарное поселение), *тала* (поселение, обычно хутор, возникшее первоначально в лесу, на очищенной от деревьев площади), *кьара* (поселение, расположенное в лощине, межгорной котловине), *тахуда* (поселение, расположенное на небольших водораздельных плато), *кули* (земледельческий хутор в горной и предгорной

части Цора), *мархью*, *махью* (хутор в горах и предгорье, где содержатся овцы и козы), *бина* (хутор, возникший на зимних пастбищах, названный местным аналогом дагестанского термина *хьутан*). Интересно, что отмечается также номенклатура, указывающая на народную типологию городских поселений.

В этом же параграфе показывается структура общественно-хозяйственных агломераций (вертикальные зоны – территории бывших обществ, в верхней горной части которых расположены летние пастбища, ниже – в предгорье – метрополии, окруженные садами и пашнями, на равнине – сезонные хутора, отселки и селения – филиалы подгорных поселений), образовывавших отдельные сообщества горцев Цора: Белоканское, Катехское, Джарское, Тальское. Зафиксировано наличие в прошлом двуединого джамаата, когда одна часть жителей села, более или менее постоянно, живет в горном Дагестане, а другая – в долине Алазани. Диссертант установил, что основными формами поселения Цора в XVII – начале XX в. были скученная, включая скученно-террасный, кучевой или гнездовой и скученно-квартальный варианты, усадебно-разбросанная и уличная. Скученная (кучевая) форма характерна для тухумного типа поселений, расположенных на укрепленных возвышенностях, выступях скал. Улично-ветвистые селения возникали в предгорьях и на равнине и имели в основе квартальную структуру.

В третьем параграфе второй главы были охарактеризованы основные компоненты структуры поселений: селитьба; хозяйственные постройки; центр; культурно-бытовые учреждения; культовые объекты; оборонительные сооружения и др. Автор отмечает важную особенность поселений в виде наличия селитьбы из дворов, окруженных каменными стенами, в которых располагались хозяйственные постройки, сады, огороды, что создавало определенную сегментированность пространства селений.

В четвертом параграфе второй главы рассматривается эволюция системы расселения на левобережье Алазани в пределах исторического региона Цор на современном этапе и ее результаты.

Четвертая глава характеризует жилище Цора и состоит из трех параграфов. Основной идеей главы является приоритет природно-географических условий и территориального единства комплексов жилища над этническими характеристиками. Это положение доказывается на основании близости жилища горцев Цора к жилищу горного Дагестана и центральной части Большого Кавказа, фактически обосновывается вхождение Цора в ареал плоско-кровельного каменного жилища, выделенного для данной территории еще В.П. Кобычевым.

Автором в нужной степени подробности характеризуются части жилища и конструктивные приемы, применявшиеся для их строительства. Весьма ценным является описание конструкции скатной кровли дома, в описании присутствует концепция местной вариативности этого признака как развития плоскостольного перекрытия с целью получения чердачного пространства, в частности, для такого занятия как шелководство, более типичного в рассматриваемый период для лесистых склонов регионов Южного Кавказа. Закономерно обращается внимание на значение в конструкции и планировке части дома – помещения с открытыми стенами, которое автор не совсем удачно называет верандой, на использование его как летней резиденции семьи с собственным камином. Важность данного компонента дома весьма велика для понимания общей типологии жилища народов Кавказа, также как и такой детали, как опорные столбы жилища, на значение которых автором был сделан соответствующий акцент. То же можно сказать и в отношении характеристики отопительной системы и системы водоснабжения. Возможно, о конструктивных и планировочных особенностях жилища Цора можно было бы сказать и более, но нужное внимание было проявлено к каждой из них.

Во втором параграфе третьей главы приводится типология жилища, как временного (*палатка-чадир, шалаш-дахма или чатма*, временное жилище из необработанных камней–*паж*, полуземлянка–*толи*, временное срубное жилище–*ц/улалрукъ*), так и стационарного каменного дома: собственно дома –*рукъ* и дома крепости–*гьин*. Последний вариант конструкции Ш.М. Хапизов совершенно правильно сопоставляет с жилыми башнями других регионов Большого Кавказа. Отмечается также наличие и собственного варианта боевой башни, а также усадебных комплексов, в т.ч. замкового, состоявших из различных сочетаний домов, жилых и боевых башен, что еще более подкрепляет отмеченную выше характеристику принадлежности региона к ареалу Большого Кавказа, покрывавшему северную и южную части Главного Водораздельного хребта.

В третьем параграфе третьей главы показывается, как смена строительных материалов в современную эпоху влияет на конструктивные и планировочные особенности дома. В тоже время, автором отмечается такая устойчивая компонента поселенческой структуры, сохраняющаяся и по сей день, как приемы организации усадьбы дома в нагорной полосе региона. Наибольшие же изменения произошли, как верно пишет диссертант, во внутреннем убранстве жилища.

Подводя общие итоги исследования, проведенного Ш.М. Хапизовым, и изложенные им в диссертационном сочинении, следует отметить, что поставленные и

сформулированные во Введении задачи, были успешно решены. Целесообразно отметить в несколько укрупненном виде такие итоги исследования, как представление о приоритете региональных и ареальных принципов формирования поселенческой культуры над этническими, указание на близость поселенческой культуры нагорной полосы Цора к культуре поселений Большого Кавказа, а также полностью сформированную картину своеобразия рассматриваемого локального комплекса поселенческой культуры. Характеристика этого своеобразия, вынесенная в числе положений, защищаемых автором, (цитируя со с. 15 автореф.: «Топография дагестаноязычных поселений Цора заметно отличалась от поселений горного Дагестана, Восточной Грузии или закавказских ханств, располагавшихся на территории современного Азербайджана. Поселения этнических дагестанцев в этом регионе, в основном, состояли из нескольких сотен дворов и имели свободную разбросанную планировку, а усадьбы были обширными и включали в себя фруктовые и тутовые сады, виноградники, огороды и сенокосные угодья. Центральным компонентом жилой части поселения – селитьбы в большинстве населенных пунктов Цора служило специальное место для сельского схода, своего рода центральная площадь – *гудекИан*. В цорских селениях гудеканы располагались обычно в специальном огороженном примечетском дворе... Сами кварталы в массе своей являлись уменьшенными копиями самого селения... Важным элементом топографии поселения являлись своего рода внутрисельские жилые замки (*hin*)... Эти *hini* в отличие от грузинских и азербайджанских поселений были в каждом аварском селении и в основном являлись принадлежностью того или иного рода, населявшего определенный квартал.) – является полностью представленной и доказанной.

Диссертационное сочинение Ш.М. Хапизова не свободно от некоторых недостатков, часть из которых была отмечена выше. Наибольшим недостатком представляется неопределенность пространства, маркированного как Цор, автор и сам способствует усилению данной неопределенности, когда буквально рядом Цором называется и вся Алазанская долина и только ее левобережье (автореф. с. 4-5), а в ряде мест текста, таким образом, понимается и только горная часть левобережья Алазани. Опускается, что маркировка Цор является, скорее феноменом этнического сознания, своего рода взглядом из Дагестанских гор на Закатальскую территорию, чем обозначением регионального комплекса. При том, что подробно освещается поселенческая структура населенных аварцами и цахурами поселений нагорной полосы региона менее подробно рассмотрен весь комплекс поселений в вертикальном измерении от равнины до высокогорья, что не позволяет выйти на полную региональную

характеристику. Т.о. оказывается вне контекста диссертации положение, заявленное автором на с. 28 дис.: «отметим и такую особенность сельского хозяйства горной Аварии, при которой население этого региона существовать без Алазанской равнины не могло, т. е. оба региона в прошлом являлись частями единой хозяйственно-экономической системы.» – и данный региональный подход не получает должного развития.

Имеются недоработки и такого рода, как на с. 3 дисс. не соблюдается связь сносок с текстом, на с. 9 дисс. известный ученый Э.С. Маркарян неожиданно оказался представлен в женском роде, на с. 13 дисс. используется неудачное выражение «эпиграфисты-востоковеды», на с. 168 дисс. написано «носил функции», во Введении (текст автореферата¹⁸) сказано, что диссертация состоит из двух глав, хотя на деле их три. Однако, в целом работа написана хорошим научным языком.

Апробация исследования была проведена на 10 научных конференциях, по теме исследования опубликованы три научные монографии и свыше 30 научных статей в отечественных и зарубежных журналах и сборниках научных трудов.

Текст автореферата соответствует тексту диссертации.

Сочинение Шахбана Магомедовича Хапизова «Поселенческая культура дагестанцев Цора в контексте этнокультурной истории (XVIII-XXI вв)», в полной мере соответствует требованиям, предъявляемым ВАК к кандидатским диссертациям, а ее автор заслуживает присуждения ему искомой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – этнография, этнология и антропология.

Отзыв обсужден на заседании отдела Кавказа и Средней Азии Российского этнографического музея.

Отзыв подготовил научный сотрудник главной категории отдела этнографии Кавказа и Средней Азии Российского этнографического музея, доктор исторических наук

В.А. Дмитриев

8 сентября 2016 г.

Подпись руки В.А. Дмитриева заверяю

Помощник директора Российского этнографического музея

М.В. Воронова